

Что такое исследования возраста?

252

Вообразите на мгновение следующую ситуацию: в университетах и исследовательских центрах, изучающих гендер или положение женщин, большинство курсов и программ сосредоточено на вопросах здоровья и медицины, демографических установках, электоральном поведении, проблемах семейных отношений и социальных ролей, изучении стилей жизни и места жительства. Имеются разносторонние эмпирические исследования по вопросам гендерного неравенства, работы и доходов, хотя работы, посвященные политической активности, международным и кросс-культурным аспектам, репрезентации женщин в СМИ редки и неоднозначны. Однако за пределами небольшой группы исследователей лишь весьма скромные усилия направлены на изучение теоретических проблем агентности (agency), тела, сексуальности и соответствующих дискурсов; или на историю женского движения; или на феминистский анализ фильмов, искусства, духовности, транссексуальных отношений, тюрем, насилия в семье или расовых проблем. Мыслители от Симоны де Бовуар до Джудит Батлер — редкие гости в обязательных списках литературы, а такие термины, как «феминистская эпистемология» и «интерсекциональность»¹, или к сегодняшнему дню уже хорошо разработанные критические анализы медикализации, девиантизации и криминализации женщин вовсе едва упомянуты. Только несколько секций на ключевых конференциях по гендеру и положению женщин сфокусированы на дискурсах, нарративах, сопротивлении, телесности, правительственности и текстуальности, а то и вовсе объединены в какую-нибудь «секцию постмодернистской теории» или осмеяны как неуместно

Кац Стивен — профессор социологии в Университете Трента (Питерборо, Канада).

Перевод с английского Антона Смолькина, выполнен по: Katz S. (2014) What is Age Studies? *Age, Culture, Humanities: An Interdisciplinary Journal*, (1). Публикуется с разрешения автора.

1 Интерсекциональность («теория пересечений») — пересечение различных форм дискриминации (например, расовой и гендерной). Предполагается, что в этом случае общий уровень дискриминации невозможно понять просто как сумму отдельных ее видов; их наложение усиливает друг друга. — *Прим. пер.*

«политические». В этом воображаемом мире ведущие исследователи убеждены, что их антисексистские исследования, даже не отличаясь глубокой рефлексивностью, являются достаточными для признания их радикальной идентичности и идеологической солидарности со всеми ущемленными женщинами. И традиционный психологический мейнстрим, и сексология, и соответствующие области медицинского знания все еще предстают незыблемыми авторитетами, несмотря на разоблачение феминистским движением патриархальной власти, лежащей в основе их научных истин.

Стали бы мы терпеть ситуацию такой постыдной отсталости? А ведь подобное положение дел — именно то, с чем мы сталкиваемся сегодня в исследованиях возраста/старения, когда и сами исследования, и соответствующие университетские курсы весьма похожи на представленную выше воображаемую картину. Конечно, описанную ситуацию сейчас уже невозможно представить в исследованиях женщин/гендера/сексуальности. Однако во многих наших университетах и учебных центрах исследования старения и жизненного пути за пределами медицинских факультетов остаются маргинальными сюжетами. Это весьма прискорбно, особенно если мы вспомним, что основоположники геронтологических исследований конца XIX — начала XX вв. закладывали основы исследований возраста, опираясь на широкий междисциплинарный спектр философских, литературных, медицинских, поэтических, духовных и эстетических достижений. Воодушевленные тем, что проблема старения может привлечь множество разнообразных интеллектуальных и социальных ресурсов, такие авторы, как Илья Мечников¹ [Metchnikoff, 1903], Грэнвилл Стэнли Холл² [Hall, 1922] и Эдмунд Винсент Коудри³, сформировали повестку дня, не утратившую актуальности для нашего времени. Например, во введении к одной из ключевых книг — сборнику статей «Проблемы старения» [Cowdry, 1939], вышедшему под редакцией Коудри — Джон Дьюи

253

- 1 Илья Ильич Мечников (1845-1916) — русско-французский биолог, лауреат Нобелевской премии в области физиологии и медицины (1908), основатель научной геронтологии. — *Прим. пер.*
- 2 Грэнвилл Стэнли Холл (1844-1924) — пионер американской психологии, первый президент Американской психологической ассоциации, автор многочисленных работ по возрастной психологии. — *Прим. пер.*
- 3 Эдмунд Винсент Коудри (1888-1975) — канадско-американский цитолог, исследователь рака, один из пионеров кросс-дисциплинарных исследований старения, президент II Международного геронтологического конгресса (1951). — *Прим. пер.*

пишет: «Мы должны понимать способы, которыми социальный контекст влияет на биологические процессы, равно как и наоборот, как биологические процессы обуславливают общественную жизнь. Это — проблема, которой следует уделить особое внимание» [Dewey, 1939, p. xxvi]. В этом смысле стареющее население, которому сегодня уготовано жалкое прозябание после разрушения государств всеобщего благоденствия и перспектив поколений, является одновременно и биодемографической действительностью, и результатом социального конструирования, находящимися в обратной взаимозависимости. Историки Томас Р. Коул и В. Эндрю Акенбом показали, что геронтологическая специализация сузила ранние, некогда более масштабные критические претензии этого направления исследований [Achenbaum, 1995; Cole, 1992].

Критический потенциал возродился в других областях, в первую очередь в критической геронтологии и исследованиях возраста, которые состоят сегодня из академических исследователей, правозащитников, публичных интеллектуалов и политических лидеров, рассеянных по различным организациям со столь же различными ресурсами и возможностями. То, что их объединяет, — это, как ни парадоксально, маргинализованность, и, как я писал ранее, «номадические формы мысли» [Katz, 2003]. Каковы же ключевые элементы, формирующие радикальную критичность этих подходов? Я полагаю, необходимо выделить следующие составляющие.

254

1. «Критический подход» — наследие Франкфуртской школы, мыслители которой, такие как Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно, подчеркивали важность такой теоретической рефлексии, в которой не считаются само собой разумеющимися принципы и практики, построенные на предположении, что любая исследовательская или политическая повестка дня неизменна, требует раз и навсегда данного понимания. В геронтологии рефлексивность важна, потому что позволяет спросить не только «что говорит геронтология», но также и «что геронтология делает». Именно это имеют в виду Гарри Муди, Рут Рэй и многие другие авторы; рефлексивность — это инструмент, позволяющий не просто смотреть вперед, но и оглядываться назад или заглядывать внутрь себя. В моей собственной работе я вдохновлялся рефлексией на темы эволюции геронтологических понятий «активности» и «функциональности», изучением памяти и составлением геронтологических справочников.

2. Постмодернизм, постструктурализм, дискурс-анализ, правительственность, феноменология, социология тела, СТС, феминизм, ЛГБТ и исследования нетрудоспособности — вот некото-

рые знаковые интеллектуальные традиции, благодаря которым сформировалось сегодняшнее критическое мышление, радикально преобразив множество исследовательских областей. Я воодушевлен тем, что эти интеллектуальные течения уже сделали и еще могут сделать для исследований возраста и старения. Критическая геронтология в этом смысле несет ответственность за экспорт принципов подобной преобразующей работы в другие области исследований возраста и в то же время актуализирует проблематику возраста и старения в других исследовательских пространствах. Лучшая стратегия сегодня — такая программа исследования стареющего тела, где авторы объединяют социологию тела (где мало внимания уделено старению) и геронтологию (где, как это ни парадоксально, мало внимания уделено телу). Другие точки пересечения между исследованиями старения, нетрудоспособности и феминизмом — такие же «просветительские», какой оказалась адаптация постмодернистских и «посттрадиционных» культурных моделей для изменений жизненных маршрутов и самой старости¹.

3. Ядро геронтологии — критический анализ эйджизма и возрастного неравенства; однако так же, как не все исследования женщин являются феминистскими или анализ трудовых отношений — марксистским, работы по эйджизму и возрастному неравенству не обязательно являются критическими. Как известно, в рамках некоторых подходов политической экономии к старению, включая феминистские, исследования могут быть сосредоточены на описании различий в доходах и доступе к ресурсам, без какой-либо глубокой критики классовой структуры. В геронтологии есть много теоретических возможностей исследовать проблемы старения с критических позиций, особенно если речь идет об эйджизме или возрастном неравенстве, но такие перспективы нуждаются в обязательной демонстрации, какой именно объяснительный потенциал они смогут показать за пределами решения проблем, для которых они предназначены.

4. Критическое мышление всегда требовало взаимосвязи теории и практики. Геронтология и здесь представляет собой особый случай из-за специфики практических условий. Действительно, в практической геронтологической работе обычно тяжело совместить теорию и жизнь, и поэтому я часто находил некоторые свои наиболее образные идеи именно в процессе полевой работы — при изучении практик ухода (nursing), лечения слабоумия или физиотерапевтических журналов. Вот то пространство, где мы сталкиваемся с во-

1 См., например, [Woodward, 1999; Katz, 2005; Katz 2011; Gilleard, Higgs, 2013].

просами «практических профессий», связанных с заботой, телесностью, политикой, пространством, болью и смертью, повседневной жизнью пожилых людей. Именно по этому поводу Фуко утверждал, что глубокие идеи возникают в мирах практического действия, а вовсе не обязательно в кабинетах великих мыслителей и философов [Foucault, 1997].

5. Преимущество критической геронтологии и исследований возраста состоит, как утверждается в рамках этих подходов, в прояснении «сущности старения» (inside aging): что именно это означает — «стареть». Здесь гуманитарные науки оказались особенно важны, поскольку способствовали постановке вопросов идентичности, тела, опыта, способов описания, непрерывности/разрывов жизненного курса, чувств, эмоций и биографии. Это субъективные и повседневные аспекты старения, с которыми мы сталкиваемся на собственном жизненном пути; таким образом, исследование требует пристального наблюдения и участия, анализа дискурса, качественных интервью, деконструкции образов и текстов и пристального внимания к повседневному, к мелочам. Нарратив особенно важен, потому что он фиксирует сущность старения, связывая социальное «я» и общество и «оживляя» наши биографии, поскольку мы усваиваем, приспособливаем, интерпретируем и перестраиваем языки, символы и значения вокруг нас, адаптируя таким образом наши индивидуальные истории. Кроме того, критические подходы вскрывают противоречия в доминирующих культурных нарративах, предоставляя право на высказывание нарративам угнетенным и маргинальным. Барбара Эренрайх показала, что у женщин, умирающих от рака молочной железы, есть что рассказать о своих жизнях, и едва ли не больше, чем у сумевших победить эту болезнь героинь тематических телевизионных шоу [Ehrenreich, 2009]. В конечном счете субъективность измерений в исследованиях возраста означает, что мы сами часть того, что мы изучаем и о чем пишем. Как говорит Йон Хендрикс, «если мы не видим в наших объяснениях отражения самих себя, возможно, нам следует сделать паузу, прежде чем предлагать эти объяснения профессиональному сообществу» [Hendricks, 2008, p. 113].

Эти рефлексивные, критические и субъективные измерения проблемы связывают критическую геронтологию с исследованиями возраста, и неважно, достались ли они нам от гуманитарных, естественных или общественных наук. Однако преимущество исследований возраста состоит в том, что они не обязаны рядиться в геронтологические одежды и потому могут быть освобождены от некоторых дисциплинарных и научных обя-

зательств геронтологии. Действительно, мы можем сказать, что от гуманитарных наук исследования возраста позаимствовали биографический, феминистский и нарративный способы видения самости, памяти, смыслов и мудрости, а также альтернативные творческие ресурсы и наработки в перформативной, художественной, транссексуальной, поэтической и футурологической областях. С помощью социальных наук исследования возраста могут объяснять новые культурные процессы, переопределяющие поздние этапы жизни, основанные на посткапиталистических и глобализированных стилях жизни на пенсии, косметических и телесных технологиях, потребительском маркетинге и возрастной иерархии. У нас уже есть убедительные примеры того, как исследования женщин, расы/этничности, ЛГБТ и постколониальные исследования превратились в захватывающие образовательные программы, и то же самое может произойти с исследованиями возраста. Кроме того, есть много замечательных исследователей, перешедших дисциплинарные границы, чтобы поставить новые междисциплинарные вопросы. Так, нейробиолог Питер Уайтхауз, осмысляя практики предотвращения и лечения деменций, уделяет одинаковое внимание как медицине, так и искусству, и образовательным процессам, или историк Томас Коул, который преподает *medical humanities*¹ для медиков в Хьюстоне, или драматург Энн Бэстинг, программы которой о болезни Альцгеймера в Милуоки без преувеличения можно назвать революционными. Они и многие другие признают, что мы живем в быстро изменяющемся мире, где старение превращается в часть жизни, наполненной событиями наравне с другими ее частями; не хотелось бы упускать эти новые возможности, но, чтобы ими воспользоваться, нам требуются новые эмансипационные ресурсы.

257

Исследования возраста могут стать точкой опоры для совместной борьбы с ограничениями на креативность исследований и их финансирование, открывать новые возможности молодым специалистам и (подобно тому как феминизм покончил почти со всеми течениями, боровшимися с ним в минувшем веке) критиковать методы, с помощью которых правящие формы знания и власти о старении подменили своим авторитетом истину. В «Энциклопедии старения» я определил «старение» как, с одной стороны, «изящный и непреклонный способ, с помощью которого силы природы, от микроскопических до вселенских, создают условия для обновления» [Katz, 2002, p. 45] и, с другой стороны, как нечто, «тысячелетиями

1 См. объяснение термина в статье Д.В. Михеля в этом номере (с. 57).

вдохновлявшее воображение человека», заставляя нас противостоять «парадоксам жизни и смерти во времени» [Ibid, p. 48]. Именно этот огромный объем проблем дает исследованиям возраста свою специфику (identity), и я очень рад, что тоже постарался внести в них свою лепту. Исследования возраста уже заняли свое место в университетских программах и научно-исследовательских центрах, где они могут объединить пока еще разрозненных людей, идеи, публикации и прочие ресурсы, способствуя академическим и социальным изменениям в стандартах старения. Европейская сеть исследований старения (ENAS) и североамериканская сеть исследований старения (NANAS) — два важных шага к реализации этой инициативы.

Библиография/References

Achenbaum W. A. (1995) *Crossing Frontiers: Gerontology Emerges as a Science*, N. Y.: Cambridge UP.

Cole T. R. (1992) *The Journey of Life: A Cultural History of Aging in America*, Cambridge: Cambridge UP.

258

Cowdry E. V. (ed.) (1939) *Problems of Ageing: Biological and Medical Aspects*, Baltimore: Williams and Wilkins.

Dewey J. (1939) Introduction. *Problems of Ageing: Biological and Medical Aspects*. E. V. Cowdry (ed.), Baltimore: Williams and Wilkins: XXIII-XXVI.

Ehrenreich B. (2009) Smile or Die. *Bright-Sided: How the Relentless Promotion of Positive Thinking Has Undermined America*, N. Y.: Metropolitan: 15-44.

Foucault M. (1997) Nietzsche, Genealogy, History. *Language, Counter-Memory, Practice*. D. L. Bouchard (ed.), Ithaca: Cornell UP: 139-164.

Gilleard C., Higgs P. (2013) *Ageing, Corporeality and Embodiment*, London: Anthem,

Hall G. S. (1922) *Senescence: The Last Half of Life*, N. Y.: Appleton.

Hendricks J. (2008) Coming of Age: Critical Gerontologists Reflect on Their Own Aging, Age Research and the Making of Critical Gerontology. *Journal of Aging Studies*, 22 (2): 109-114.

Katz S. (2011) Hold On! Falling, Embodiment and the Materiality of Old Age. *Corpus: An Interdisciplinary Reader on Bodies and Knowledge*. J. Monica (ed.), Casper and Paisley Currah, N. Y.: Palgrave: 187-205.

Katz S. (2002) Aging. *Macmillan Encyclopedia of Aging*. D. J. Ekerdt (ed.), N. Y.: Macmillan Reference USA: 45-49.

Katz S. (2003) Critical Gerontological Theory: Intellectual Fieldwork and the Nomadic Life of Ideas. *The Need for Theory: Critical Approaches to Social Gerontology*. S. Biggs, A. Lowenstein, J. Hendricks (eds), Amityville, N. Y.: Baywood: 15-31.

Katz S. (2005) *Cultural Aging: Life Course, Lifestyle and Senior Worlds*, Peterborough, Ont.: Broadview.

Metchnikoff E. (1903) *The Nature of Man: Studies in Optimistic Philosophy*, N. Y.: Putnam.

Woodward K. (ed.) (1999) *Figuring Age: Women, Bodies, Generations*, Bloomington: Indiana UP.